

Марина Викторовна КутьеваРоссийский экономический университет имени Г. В. Плеханова, кандидат филологических наук, доцент, Москва, Россия
e-mail: marku2006@yandex.ru**«Параллельные» фразеологические образы, восходящие к Библии,
в испанском и русском языках: иллюзорность тождественности**

Аннотация. В статье мы рассматриваем широко известные интертекстуальные русские и испанские библеизмы, которые считаются универсальными и существуют в двух языках как соответствия. Мы полагаем, что их межъязыковая семантическая идентичность не подтверждается дискурсивной практикой и что в спектре их семантики и прагматики имеются существенные когнитивные различия. Некоторые различия фиксируются словарями, некоторые более убедительно раскрываются при анализе текстов и фразеологической картины мира русской и испанской лингвокультур. Особенно подробно анализируются два образа — новозаветная «Мария Магдалина» и ветхозаветная «Валаамова ослица». В качестве иллюстративного материала использовались произведения художественной литературы, интернет-обсуждения и статьи центральной прессы.

Ключевые слова: библеизм, антропоним, языковая картина мира, фразеология, Мария Магдалина, Валаамова ослица.

Marina V. Kut'evaPlekhanov Russian University of Economics, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow, Russia
e-mail: marku2006@yandex.ru**“Parallel” Phraseological Images Referring to the Bible
in Spanish and Russian Languages: Illusion of Universality**

Abstract. In this article, we consider the well-known intertextual Russian and Spanish biblical phrases, which are considered universal and exist in two languages as correspondences. We believe that their interlingual semantic identity is not confirmed by discursive practice and that there are significant cognitive differences in their semantics and pragmatics. Some differences are recorded in dictionaries, some are more convincingly revealed when analysing the texts and phraseological picture of the world of Russian and Spanish linguistic cultures. Two images are analysed in particular detail — the New Testament “Mary Magdalene” and the Old Testament “Balaam’s donkey”. Works of fiction, Internet discussions and articles of the central press were used as illustrative material.

Keywords: biblicalism, anthroponym, linguistic picture of the world, phraseology, Mary Magdalene, Balaam’s donkey.

Введение

Как ни одна другая книга, Библия стала источником крылатых выражений и фразеологических сочетаний во всех европейских лингвокультурах. Более того, Библия стала важнейшим «...связующим звеном между языками и культурами народов, исповедующих христианскую религию» [1, с. 63].

Значимые библейские антропонимы, известные во всем мире, например: *Каин*, *Ирод*, *Магдалина*, — приобрели в европейских языках статус концептуальных метафор и многозначных символов. С удивительным постоянством их выбирают литераторы и сценаристы для новых романов и кинофильмов.

Антропонимы выступают словами особой семасиологической наполненности и формируют важные для языковой картины мира фразеологизмы: *ветхий Адам*, *Каиново клеймо*, *Ноев ковчег*, *Валаамова ослица*, *многострадальный Иов*, *кающаяся Магдалина* [2, с. 157]. В испанском языке

круг смыслообразующих антропонимных фразеологизмов шире, нежели в русском. Этот перечень включает имена, не подвергшиеся лексикализации в русском языке. Вот некоторые из них:

– *Caifás* (Каиафа), первосвященник, в руках которого оказался Христос перед казнью, — коннотирует человека, руководствующегося в своих действиях злыми намерениями, а также очень непослушного мальчика;

– *David* (Давид) — прототип человека, который отличается отвагой и ясновидением;

– *Sara* (Сара) — используется в идиомах *Más vieja que Sara* («быть старше Сары»; здесь и далее перевод наш. — *M. K.*) и *El parto de Sara* («роды Сары» — крайне поздние).

В России библейские речения попали в поле изысканного, величавого тона, оказались под завесой некой высокопарности, благородства, архаичности. Сравним: *око за око* (а не *глаз за глаз*), *не ведают, что творят* (в противовес *не знают, что делают*), *взыскующие града* (а не *ищущие*

город), вложить персты в язвы (а не воткнуть пальцы в раны). В испанском языке библейские реминисценции не несут на себе подобной печати величавости, призванной указать на их особый сакральный статус. Они не воспринимаются пришельцами из иного, высшего мира — мира духовности, ибо мир католицизма сросся с речевым обиходом, языковой этнокультурной ментальностью и оказался в открытом доступе, «особенным ничем не осиян». Поэтому, возможно, библейские выражения в испанской речи так легко становятся мелкой разменной монетой — обиходными, бытовыми, стилистически сниженными и вовлекаются в разного рода каламбуры. Характерен в этом отношении и процесс перехода библейских имен собственных в имена нарицательные [3]. Этот процесс отсутствует в русском языке, но своеобразно протекает в испанском. Испанские библейские антропимы становятся именами нарицательными с узким предметным значением: *judas* (иуда) — глазок для наблюдения за тем, что происходит в соседнем помещении; *moisés* (моисей) — колыбель для младенца (как аллюзия на то, что Моисей был найден в реке в люльке из тростника); *baltasar* (de Balthasar o Baltasar) — ‘banquete’, пышно застолье [4, с. 73].

«Имена собственные — древнейшие единицы любой языковой системы — являются одной из самых интересных и сложных лингвистических универсалий. В собственном имени дискуссионным является всё — начиная от вопроса, является ли оно словом и каковы критерии отграничения его от имени нарицательного, до проблемы значения, которая на протяжении сотен лет была ареной дискуссий» [5, с. 5]. Всего лишь одному-единственному такому персонажу могут быть посвящены диссертации [6] и целые книги.

Общий для нескольких народов антропоним с абстрактным, инвариантным значением, восходящий к библейскому прототипу, К. Н. Дубровина предлагает называть *библиемой* [2, с. 162]. С точки зрения семантики и прагматики полная межкультурная инвариантность и универсальность всемирно известных библейских имен и фразеологизмов с их участием вызывает сомнения и возражения. Так, библиема *Царь Ирод* ассоциируется с тотальной жестокостью в русском языке, тогда как в испанском — с деспотичностью только по отношению к детям, зверством по отношению к невинным, слабым. *Праведный Иов многострадальный* в русской языковой картине мира связан с идеей возможности вынести бескрайний сонм страданий при условии безоговорочной веры, а в испанской — с терпением, что подтверждается словосочетанием *tener paciencia de Job*. Имя *Адам* входит в русском языке в идиому *тряхнуть с себя ветхого Адама* — «переродиться духовно», тогда как в испанском речевом обиходе всегда на слуху выражение *hecho un Adán*, изображающее потрепанного, побитого, неопрятного, неряшливо одетого человека. Примечательно и то обстоятельство, что один и тот же библеизм соединяется в разных языках с нетождественными характеризующими прилагательными: *блудный сын* в русском языке коррелирует с *hijo pródigo* в испанском, при этом *pródigo* обозначает «мот», «расстратчик»; *Иову многострадальному* в испанском языке соответствует фразеологизм *ser más paciente que Job*; *кающаяся Магдалина* знакома испанской языковой личности, но только как название и сюжет огромного количества живописных полотен, наиболее

известное среди которых в Испании — одноименное произведение Эль Греко.

Испанский лингвист Мария Анхелес Калеро Фернандес отмечает, что христианство, использовавшееся испанцами-готами в качестве знамени борьбы против арабов, а испанской королевской четой (Isabel — Fernando), правившей в конце XV в., для оправдания юрисдикции над завоеванными и колонизированными заморскими территориями, представляет собой культурную черту, глубоко укоренившуюся в испанском образе жизни. Ведущая роль Испании в развитии и защите контрреформации оправдывает ее верность католицизму. Эта приверженность жителей Пиренейского полуострова римскому христианству нашла яркое отражение на лексико-фразеологическом уровне [7]. Для выражения эмоций тоски, обиды, горя в испанском языке гораздо шире, чем в русском, привлекается религиозная лексика и фразеология [8], в частности, образы Марии Ангустиас и Марии Магдалины.

Мария Магдалина

Нам импонирует мысль Ю. А. Рылова о том, что вторичные значения библейских антропонимов не совпадают в языках, имеющих фразеологизмы, с этими антропонимами [9, с. 88–89]. Из-за этого внешне универсальные фразеологизмы, включающие в свой состав антропоним, от языка к языку значительно разнятся по своей семантике. Причиной коннотативно-семантических и прагматических несоответствий стало «различное переосмысление одного и того же сюжета и актуализация разных моментов в нем, различное “расставление” акцентов» [10, с. 43] в рассматриваемых нами языках. Имя Магдалины в сознании русского человека связано в первую очередь с нравственным концептом покаяния, преодоления пороков благодаря самозабвенному служению и обретению истины. Поэзия М. Цветаевой и Б. Пастернака заставляет этот образ сблизиться с семантикой бесноватости, одержимости. Вспомним у Б. Пастернака: *чуть ночь, мой демон тут как тут и была я душой бесноватой* («Магдалина»), а у М. Цветаевой в одноименном стихотворении: *очесами демонскими / Таясь, лила б масл / И на ноги бы, и под ноги бы, / И вовсе бы так, в пески... / Страсть, по купцам распроданная, / Расплеванная, — теки!* Для носителей испанского языка на передний план в семантике данного антропонима выдвигаются значения «подавленное настроение», «безутешность рыданий» и «плаксивость». «...*Magdalena* входит в состав фразеологизированных выражений *parece una Magdalena* (букв.: похожа на Магдалену), *llegó hecha una Magdalena* (пришла как Магдалена), которые, соответственно, означают “безутешно плачет”, “пришла совершенно зареванная” — без малейшего намека на совершение греха» [9, с. 88–89].

Ю. А. Рылову оппонирует А. С. Лаврентьева, указывающая, что имя Магдалены, перейдя в разряд нарицательных, «...используется в качестве именованного одного из смертных грехов — сладострастия...» [11, с. 105]. *Магдаленой* называется кондитерское изделие — кекс, по форме напоминающий нашу *ромовую бабу* (sic!). Испанские толковые словари, в частности, Словарь Королевской Академии DRAE [12]) фиксируют три фразеологизма с пометой «coloquial»/ «разговорное» (четвертый приводимый нами здесь фразеологизм взят из книги Мануэля Мартина Санчеса):

1) *estar hecho una Magdalena* — 'быть прям как сущая Магдалина'; имеется в виду эмоциональная и душевная подавленность: быть крайне расстроенным, безутешным и заплаканным. Пример: *El pobre está hecho una magdalena y no consigo consolarlo* [13] — «Бедняга, он прям сущая Магдалина, я никак не могу его успокоить»;

2) *llorar como una Magdalena* — «плакать как Магдалина, т. е. долго, неудержимо, горестно плакать; заливаясь горячими слезами». Пример: *Al saber que había suspendido se puso a llorar como una magdalena* [13] — «Узнав, что она не сдала экзамен, она расплакалась как Магдалина». Нам показался любопытным тот факт, что в испанской языковой картине мира, несмотря на ее мачизм, сравнение с Марией Магдалиной применяется по отношению к мужчинам: *Me lo encontré llorando como una Magdalena* — «Я нашла его рыдающим прям как Мария Магдалина». Данный перевод нельзя считать прагматически адекватным, так как в русской лингвокультуре плач Марии Магдалины приобрел оттенок лицемерия. На английский язык этот оборот переводится как *cry out one's eyes*, без упоминания евангельской мироносицы;

3) *no estar la Magdalena para tafetanes* — *не до нарядов* (не до тафты) Магдалене, т. е. «не до шуток, не до смеха»;

4) *La Magdalena te guíe* — пусть ведет тебя Магдалина. Так говорят гостям, провожая их за порог, намекая на то, что вести себя нужно лучше — достойнее, скромнее [14, с. 108].

В католической традиции Мария Магдалина была преданной ученицей Христа, первой свидетельницей его вознесения. В Евангелии от Луки, широко известном носителям и русского, и испанского языков, говорится, что вслед за 12 апостолами шли несколько женщин, которые были исцелены от злых духов и болезней. Эти женщины помогли Иисусу и Его ученикам из своих средств (Лука, 8:2) [15]. Первой упоминается Мария, прозванная Магдалиной, «из которой вышли семь бесов (демонов)» (Лука, 8:2) [15].

В иконографии Мария Магдалина предстает как женщина раскаивающаяся, плачущая, молящая, расстроенная. Она изображается рыжеволосой и горестно-бледной: *en la luna de otoño que se hunde con sus penas / una romántica Palidez de Marias Magdalenas* [16, с. 341] — «у осенней Луны, которая тонет со своими печальями / романтическая бледность Марии Магдалины».

Нередко имя *Магдалина* употребляется во множественном числе, что усиливает ее восприятие как некоего стереотипного типажа, как это происходит в призыве Кастро дэ Торреса *Dejad las Magdalenas y las Martas* [цит. по: 4, с. 69] — «Оставьте Магдалин и Марф!»

Обращает на себя внимание настойчивость неопределенного артикля в квалифицирующей функции при этом имени в составе фразеологизма. При глаголе *llorar* «плакать» почти автоматически в подсознании носителя испанского языка восстанавливается устойчивое сравнение *soto una Magdalena*. Приведем пример из ведущей испанской газеты «El País»: *Cuando la conocí, hace más o menos cuarenta años, llevaba en la cabeza un rodete de señora buena y era tan sensible que la menor contrariedad la hacía llorar como una Magdalena* [17] — «Когда я познакомился с ней, около сорока лет назад, она носила прическу приличной

дамы и была настолько чувствительной, что малейшее противоречие заставляло ее плакать, как Магдалина».

Образ Марии Магдалины подкрепляется и освежается в испанском коллективном подсознательном постоянным обращением к нему журналистов. В той же газете напечатана полемичная заметка-рассуждение о том, что, возможно, Мария Магдалина вовсе не была блудницей, а происходила из состоятельной семьи и деньгами помогала Христу [18]. Публикация подобных материалов в весьма авторитетной и востребованной прессе свидетельствует о неувядающем интересе социума к библейским персонажам.

На безутешных рыданиях Магдалины построены каламбуры и эпатажные названия книг. Например, роман Карлоса Пенсы (Carlos Pensa) 2000 г. называется «Magdalena, no llorar!» / «Магдалина, не плакать (не плачь)!»

В русском языке евангельский образ Марии Магдалины соотносится с философскими категориями греха и раскаяния во грехе. Постепенно развилась также сема ненастоящего, поддельного, фальшивого плача и напускного раскаяния во грехах. *Кающаяся Магдалина* — этой метафорой косвенно критикуют неискреннее, показное покаяние. Сема притворства проступает также в новогреческом языке, где Магдалина — это «...женщина, которая, отличаясь нескромным поведением, на публике или в старости притворяется невинной'...» [19, с. 104].

Итак, обобщая вышесказанное, сделаем некоторые выводы. В испанском языке Мария Магдалина несет в себе ассоциации более земные, мирские, зримые, бытовые и сенсорно осязаемые, легко поддающиеся визуализации. Ассоциации проходят по следующему эмотивно-визуальному кругу образов: плач, рыдания, слезы, растрепанные длинные волосы, опухшие глаза, раздувшийся нос. В этой разнице проявляется национально-культурная специфика семантической актуализации библейских антропонимов. В испанской языковой картине мира нравоучительно-дидактический, морализирующий компонент семантики библейского антропонима выражен минимально, а сглажен максимально, в отличие от семантического наполнения его русского соответствия, где всё наоборот. В русском языке мотивы бесноватости, раскаяния, возвышения над пороком, осознания себя, выход на причастность божественному претерпел энантиосемию: все возвышенные устремления Магдалины, ее нравственное самобичевание, равно как и искренность самого плача, ставятся под сомнение, воспринимаются с недоверием. Мария Магдалина в результате выступает в современной русской языковой картине мира аллегорией показного раскаяния.

Анализ образа Марии Магдалины показывает, как семантика универсальных библионимов подвергается историко-культурным трансформациям и как значительно она разнится от языка к языку.

Валаамова ослица

Рассмотрим фразеологизм *Валаамова ослица*. Выражение происходит из притчи Ветхого Завета, а именно из «Книги чисел» (22–24) / «Números», где рассказывается следующая история.

Царь Моавский Валак просит знаменитого прорицателя Валаама проклясть израильтян, пытаясь с помощью этих магических усилий избежать судьбы своих предшественников,

погибших от рук израильтян, избавиться от их осады и обеспечить себе над ними победу. Валак готов щедро отблагодарить пророка. Однако Всемогущий Бог говорит Валааму, что народ этот избранный и проклинать его негоже. Тогда предводитель Моава высылает к магу новую, еще более представительную делегацию, предлагает еще больше почестей и даров. Господь на этот раз позволяет Валааму отправиться в путь, но с условием, что мудрец будет делать только то, что Всевышний скажет ему. И вот наш волхв едет на ослице своей верхом, весь в мыслях о том, какими рентабельными бывают порой проклятия. Но тут на пути Ангел Господень уж поджидает его с карающим мечом в руке. Ослица узрела явление ангела, тогда как ясновидящий не увидел вовсе ничего и принялся нещадно хлестать свою ослицу, пеняя ей на остановку и сход на обочину. Сцена повторилась трижды. Вне себя от несправедливости, жестокости и слепоты своего хозяина покорное животное, распластавшись по земле, возопило человеческим голосом на родном наречии седока: «Что такого сделала я тебе?!» Валаам же в ярости продолжает ее стегать, да еще и спорит с ней. И тут он осознает, что разговаривает (о чудо!) с неразумным животным, дара речи лишенным в принципе! Валаам потрясен! В результате, исполнившись страха Господнего, пророк благословляет израильтян — вместо того, чтобы проклясть их.

Гильермо Суасо Паскуаль (Guillermo Suazo Pascual) дает исчерпывающую трактовку этому ветхозаветному обороту: *Y de esta parábola fue de donde surgió el dicho 'ser como la burra de Balaam' para referirse a esos sujetos a menudo menospreciados o considerados inferiores y que en ocasiones son los que aportan la solución exacta que se necesita para resolver una duda o problema* [20, p. 125] — «И именно из этой притчи возникла поговорка “быть как ослица Валаама” для обозначения тех людей, которые часто недооцениваются или считаются низшими и которые иногда предоставляют точное решение, необходимое для устранения сомнения или проблемы». В Испании Валаамовыми ослицами нередко называли детей, от которых никто в семье не ожидает правильных или мудрых суждений, а дети вдруг их изрекают, как в сказке Андерсена: «А король-то голый!» Мануэль Мартин Санчес (Manuel Martín Sánchez) в книге «*Seres míticos y personajes fantásticos españoles*» также констатирует, что оборот *Быть как Валаамова ослица* применяется к тому, кто, *sin tener muchas luces, de repente emite un juicio certero* [14, с. 106] — «не будучи особо одаренным, вдруг изрекает справедливое суждение».

Культурологическим курьезом нам представляется тот факт, что в исторической перспективе переосмыслению и фразеологизации подвергся не горе-пророк, которого израильтяне в итоге убили, а именно его ослица!

Испанское вербальное мышление находит данный сюжет забавным и даже смешным в духе бурлеска. Ослица оказалась разумнее и внимательнее своего хозяина! Этот момент существенно дополняет портрет неправедного пророка. Библейский эпизод с ослицей активно обыгрывался в испанской литературе и драматургии в течение нескольких веков [21].

Испанскому национальному сознанию импонирует театральность этого библейского эпизода, его динамичность

и карнавальность. Поэтому и в наши дни *Валаамова ослица* принимает участие в создании занятной игры слов: *Que una burra hable quejándose cuando le pegan es potestad divina; que en un parlamento hablen asnos con seres humanos y nadie de los últimos repare en ello* [22] — «Чтобы ослица заговорила, жалуясь на побои, — на то воля Божья; а вот чтобы в парламенте ослы заговорили с людьми, а последние этого и не замечали — на то Божьей воли нет!»

Сравнение с невинно пострадавшей ослицей Валаама использовалось в испанском языке для обозначения человека, который, на первый взгляд, не очень умен или вовсе не выделяется своим интеллектом, но вдруг неожиданно дал совет и нашел удачное решение в сложной ситуации.

В испанской языковой картине мира история с Валаамовой ослицей может интерпретироваться как повод к следующим размышлениям: 1) когда у людей появляются планы и они пытаются их осуществить, то, если Бог не согласен, он дает им знак, ставя их в особые условия или чиня им препятствия; 2) истина часто скрывается от суетливых людей, которые не могут понять чего-то очевидного; 3) иногда создания более скромные, чем человек, лучше понимают божественную волю; 4) то, что Бог хочет сказать нам, приходит в неожиданном обличье.

Валаамова ослица в католицизме расценивается как символ продвижения знаний. Данный тезис подкрепляется латинской поговоркой *Asinus portans mysteria*, говорящей о том, что эти животные являются средством передвижения божественного, таинственного — божественной воли, а в чисто физическом смысле — носят на своих спинах представителей Бога на земле (вспомним въезд Иисуса Христа в Иерусалим) [23]. Если зооморфизму *осел* повсеместно свойственно невежество и упрямство, то *ослица Валаама* представляет собой аллгорию смирения, кротости, терпения, самоотречения, верности и страдания. В ветхозаветное время кочевые древнееврейские племена испытывали суеверный страх и благоговение по отношению к некоторым животным, которые считались обладающими сверхъестественной способностью или сверхчеловеческими знаниями. Этим объясняется то обстоятельство, что Валаамова ослица увидела ангела Яхве задолго до своего хозяина, хотя тот был «провидцем».

В русском речевом обиходе *Валаамовой ослицей* можно назвать того, кто скуп на слова, «...но в какой-то момент начинает активно защищать свою точку зрения» [24]. В классической литературе встречается значение ‘молчаливый, недалекого ума человек, который, вдруг начинает рассуждать разумно, проявляя здравомыслие’. В романе «*Братья Карамазовы*» Ф. М. Достоевского Валаамовой ослицей величают нелюдимого интроверта, повара Смердякова, вдруг разразившегося метафизической тирадой о сущности греха и о наказуемости отречения от веры. Тогда Карамазов-старший воскликнул: *У нас Валаамова ослица заговорила, да как говорит-то, как говорит!*

В последнее время у нас *Валаамовой ослицей* с упреком и досадой называют человека, явно с неба звезд не хватающего и неожиданно заговорившего, но всё равно изрекшего нечто несурзное.

Выражение *Валаамова ослица* в значении «покорный, молчаливый человек, который неожиданно запротестовал

или выразил свое мнение» [25] часто звучит как по отношению к лицам мужского пола, так и по отношению к лицам пола женского. Применительно к женщинам выражение используется также в значении «глупая, упрямая женщина» [26, с. 70], где оборот наделен грубыми, бранными коннотациями. Таким образом, в русской лингвокультуре семантический спектр этого фразеологизма включает как минимум две разновекторных семемы: «запротестовавший неумный молчун» и «глупая упрямца». Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений указывает, что этот фразеологизм носит шутивно-иронический характер; с его помощью высмеиваются безвольные, безропотные, бесхребетные люди, решившиеся вдруг на протест [27]. С упомянутыми источниками солидарен и «Фразеологический словарь русского языка», атрибутирующий эту фразеологическую единицу (ФЕ) «забитому и покорному человеку, который неожиданно выразил свое несогласие, протест» [28].

Идиома «Валаамова ослица» — частая гостья в российской прессе. Вот одна из выдержек: «После прошлогодних событий на Манежной площади русский вопрос стал едва ли не самой обсуждаемой темой в России. Кажется, о нем возопили все камни и заговорили все *валаамовы ослицы*» [29]. Данный отрывок иллюстрирует живущий в сознании русской языковой личности смысл: Валаамова ослица — это самый пассивный, забитый, не способный самостоятельно мыслить слой населения, который вряд ли своими вымученными изречениями, подобными стонам, когда-то чего-либо добьется. Немота его сопоставима с молчанием камней. Приведем еще один пример на эту же тему. Это исповедь учителя Александра Токарева, опубликовавшего в сетях не понравившийся его коллективу пост и критикуемого на педсовете коллегами: «Я сидел и слушал, представляя всю эту честную компанию в белых балахонах, с факелами в руках, и себя, грешного, на коленях стоящего перед ними, жестокими и немилосердными палачами. Думал, когда же они измажут меня смолой, обваляют в перьях и вздернут на виселицу? А может, дело закончится лишь приговорением к позорному столбу и лишением почетного звания учителя. А над головой при этом будет переломлена указка. На худой конец, сумасшедшим объявят. А еще, глядя на возмущенных училок, я вспомнил ветхозаветную Валаамову ослицу. Ослица эта всю жизнь безропотно сносила издевательства и побои, но неожиданно возопила человеческим голосом и стала протестовать. Неожиданно для себя и для

своего хозяина» [30]. Автор причисляет «училок» — потенциальных палачей и инквизиторов — к самому «забитому» и инертному анклаву российского социума, сравнивая их с Валаамовой ослицей.

Проведенный нами анализ демонстрирует, что семантика образа Валаамовой ослицы в испанском языке имеет позитивные коннотации, которые подкрепляются религиозной символикой и поддерживаются оптимистическим темпераментом носителей испанского языка. В испанской фразеологической картине мира Ослица произносит что-то умное, спасительное и остро нужное для собеседников. В современном русском же языке она либо не очень убедительно борется за свои поправленные права, либо производит глупость, банальность, нечто всем давно известное и в общем никчемное. Иными словами, в зеркале русской ментальности Валаамова ослица окрашена в унылые, негативные тона.

Заключение

Таким образом, фразеологизированные образы Старого и Нового Заветов, оттолкнувшись от истока и претерпев когнитивные трансформации, стали непреложной составляющей европейских культур. Библейские антропонимы и идиомы с ними приобретают статус семасиологических идентификаторов национального самосознания. Под влиянием когнитивных доминант вербального мышления языкового коллектива и в процессе социальных трансформаций библеизмы развили не одинаковые, а существенно различающиеся в испанском и русском языках значения.

Материал подводит нас к следующим выводам:

1. Относительно Марии Магдалины в испанском языке на первый план выступают чисто внешние параметры (слезы, рыдания), тогда как в русском языке выявляется более прочная связь с нравственной, внутренней природой образа и с осуждением лживости, неискренности, наигранности, столь чуждыми русскому национальному характеру.

2. Относительно Валаамовой ослицы в испанском языке коннотативная сфера этого образа имеет знак «плюс», тогда как в современном русском языке обнаруживается негативная окрашенность этого библейского образа.

Передаваясь новым поколениям, внешне универсальные библейские речения будут транслировать самобытность мироощущения, присущего данной лингвокультуре, будут вопреки всему противостоять всеохватной лингвистической глобализации.

Библиографический список

1. Харитонова Е. Ю. Универсальные библейские символы во фразеологии // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2016. № 4. С. 63–68.
2. Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М. : Флинта : Наука, 2012. 264 с.
3. Леваева Л. В. Процесс перехода имен собственных в имена нарицательные // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2010. № 4. С. 133–136.
4. García Gallarín Consuelo. La lexicalización de los nombres bíblicos en la historia del español Hamsa // Journal of Judaic and Islamic Studies. 2017. No. 3. P. 62–77.
5. Ненашева Т. А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени : моногр. Н. Новгород : Нижегород. техн. ун-т, 2012. 153 с.
6. Фоменко И. Б. Библейское имя Каин в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 216 с.
7. Calero Fernández M. A. Personajes y episodios bíblicos en las locuciones y frases hechas del español y del catalán // Paremia. 2000. No. 9. P. 49–60.

8. Булгакова Ю. С. Сопоставительный анализ семантики глагольных фразеологических единиц, номинирующих эмоции: переживание, страдание, огорчение, горе (на материале русского и испанского языков) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2010. № 4. С. 86–91.
9. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов : моногр. / Ю. А. Рылов, В. В. Корнева, Н. В. Шеминова [и др.]. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2010. 310 с.
10. Реунова Е. В. Сопоставительный анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском и английском языках // Полилингвальность и транскультурные практики. 2011. № 3. С. 40–44.
11. Лаврентьева А. С. Функционирование имен святых во фразеологизмах и паремиях // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (14). С. 104–110.
12. Magdalena // Diccionario de la lengua española. URL: <https://dle.rae.es/magdalena> (дата обращения: 25.12.2020).
13. Magdalena // The Free Dictionary. URL: <https://es.thefreedictionary.com/magdalena> (дата обращения: 25.12.2020).
14. Martín Sánchez Manuel. Seres míticos y personajes fantásticos españoles. Madrid : EDAF, 2002. 599 p.
15. Библия. Синодальный перевод.
16. Lugones L. Lunario sentimental // L. Lugones, J. L. Borges, G. Ara. El payador y antología de poesía y prosa. Caracas : Fundación Biblioteca Ayacucho, 1979. 469 p.
17. Manrique W. América Latina según Vargas Llosa // EL PAÍS. URL: https://elpais.com/cultura/2010/10/07/actualidad/1286402425_850215.html (дата обращения: 25.12.2020).
18. Blanco Patricia R. María Magdalena era “una mujer adinerada” y no una prostituta // EL PAÍS. URL: https://elpais.com/elpais/2018/08/02/hechos/1533237261_768771.html (дата обращения: 25.12.2020).
19. Тресорукова И. В. Библейские имена собственные в греческой фразеологической картине мира // Rhema. Рема. 2019. № 3. С. 101–114.
20. Suazo Pascual G. Abecedario de Dichos y Frases Hechas. Madrid : EDAF, 1999. 395 p.
21. Fernández Mosquera S. Quevedo, Balaam y su burra: el poeta a la contra. Actas del XIV Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. New York, 2001. Vol. II. P. 213–224.
22. Giménez M. Balaam, su burra y el ángel en el Parlament // Voz Populi. 2019. URL: https://www.vozpopuli.com/opinion/Balaam-burra-angel-Parlament_0_1285372676.html (дата обращения: 25.12.2020).
23. Guillemont M., Requejo Carrió M.-B. De asnos y rebuznos. Ambigüedad y modernidad de un diálogo // Criticón. 2007. № 101. P. 57–87.
24. Валаамова ослица // Словарь фразеологизмов. URL: <http://frazbook.ru/2010/10/23/valaamova-oslica> (дата обращения: 20.12.2020).
25. Бородулин В. И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. 1039 с.
26. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М. : Флинта, 2008. 808 с.
27. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М. : Локид-Пресс, 2005. 880 с.
28. Розенталь Д. Э., Краснянский В. В. Фразеологический словарь русского языка. М. : Мир и образование, 2019. 416 с.
29. Сергеев С. М. Чего хотят русские? // Литературная газета. 2011. № 39 (6340). URL: https://lgz.ru/article/N39--6340---2011-10-05-/Chego-hotyat-russkie_17274/ (дата обращения: 15.01.2021).
30. Токарев А. М. Валаамовы ослицы возопили (вторая «лимонка в учителей») // Проза.ру. 2008. URL: <https://proza.ru/2008/02/18/592> (дата обращения: 15.01.2021).

References

- Bibliya. Sinodal'nyi perevod. (in Russian)
- Borodulin V. I. (2000) *Ilyustrirovannyi ehntsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya ehntsiklopediya Publ., 1039 p. (in Russian)
- Bulgakova Yu. S. (2010) Sopotavitel'nyi analiz semantiki glagol'nykh frazeologicheskikh edinit, nominiruyushchikh emotsii: perezhivanie, stradanie, ogorchenie, gore (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, no. 4, pp. 86–91. (in Russian)
- Calero Fernández M. A. (2000) Personajes y episodios bíblicos en las locuciones y frases hechas del español y del catalán, *Paremia*, no. 9, pp. 49–60. (in Spanish)
- Dubrovina K. N. (2012) *Bibleiskie frazeologizmy v russkoi i evropeiskoi kul'ture*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 264 p. (in Russian)
- Dubrovina K. N. (2008) *Ehntsiklopedicheskii slovar' bibleiskikh frazeologizmov*. Moscow, Flinta Publ., 808 p. (in Russian)
- Fernández Mosquera S. (2001) Quevedo, Balaam y su burra: el poeta a la contra, *Actas del XIV Congreso de la Asociaciyn Internacional de Hispanistas*. New York, vol. II, pp. 213–224. (in Spanish)
- Fomenko I. B. (2004) *Bibleiskoe imya Kain v russkoi yazykovoi kartine mira*, Cand. philol. sci. diss. Vladivostok, 216 p. (in Russian)
- García Gallarín Consuelo (2017) La lexicalización de los nombres bíblicos en la historia del español Hamsa, *Journal of Judaic and Islamic Studies*, no. 3, pp. 62–77. (in Spanish)
- Giménez M. (2019) Balaam, su burra y el ángel en el Parlament, *Voz Populi*. Available at: https://www.vozpopuli.com/opinion/Balaam-burra-angel-Parlament_0_1285372676.html (accessed: 25.12.2020). (in Spanish)

- Guillemont M., Requejo Carrió M.-B. (2007) De asnos y rebuznos. Ambigüedad y modernidad de un diálogo, *Criticón*, no. 101, pp. 57–87. (in Spanish)
- Kharitonova E. Yu. (2016) Universal'nye bibleiskie simvoly vo frazeologii, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, no. 4, pp. 63–68. (in Russian)
- Lavrent'eva A. S. (2015) Funktsionirovanie imen svyatykh vo frazeologizmakh i paremiyakh, *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya*, no. 1 (14), pp. 104–110. (in Russian)
- Levaeva L. V. (2010) Protsess perekhoda imen sobstvennykh v imena naritsatel'nye, *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*, no. 4, pp. 133–136. (in Russian)
- Lugones L. (1979) *Lunario sentimental, L. Lugones, J. L. Borges, G. Ara. El payador y antología de poesía y prosa*. Caracas, Fundaciyn Biblioteca Ayacucho Publ., 469 p. (in Spanish)
- Magdalena, *Diccionario de la lengua española*. Available at: <https://dle.rae.es/magdalena> (accessed: 25.12.2020). (in Spanish)
- Magdalena, *The Free Dictionary*. Available at: <https://es.thefreedictionary.com/magdalena> (accessed: 25.12.2020). (in Spanish)
- Martin Sánchez Manuel (2002) *Seres míticos y personajes fantásticos españoles*. Madrid, EDAF Publ., 599 p. (in Spanish)
- Nenasheva T. A. (2012) *Konnotativnaya semantika referentno odnoznachnogo imeni*. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskii tekhnicheskii universitet Publ., 153 p. (in Russian)
- Reunova E. V. (2011) Sopostavitel'nyi analiz bibleizmov v russkom, ispanskom, ital'yanskom i angliiskom yazykakh [Comparative Analysis of Phrases of Biblical Origin in the Russian, Spanish, Italian, and English Languages], *Pollingval'nost' i transkul'turnye praktiki [Polylinguality and Transcultural Practices]*, no. 3, pp. 40–44. (in Russian)
- Rozenal' D. E., Krasnyanskii V. V. (2019) *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 416 p. (in Russian)
- Rylov Yu. A., Korneva V. V., Sheminova N. V., Lopatina K. V., Varnavskaya E. V. (2010) *Sistemnye i diskursivnye svoistva ispanskikh antroponimov*. Voronezh, VGU Publ., 310 p. (in Russian)
- Sergeev S. M. (2011) Chego khotyat russkie?, *Literaturnaya gazeta*, no. 39 (6340). Available at: https://lgz.ru/article/N39-6340-2011-10-05-/Chego-hotyat-russkie_17274/ (accessed: 15.01.2021). (in Russian)
- Serov V. V. (2005) *Ehntsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii*. Moscow, Lokid-Press Publ., 880 p. (in Russian)
- Suazo Pascual G. (1999) *Abecedario de Dichos y Frases Hechas*. Madrid, EDAF Publ., 395 p. (in Spanish)
- Tokarev A. M. (2008) Valaamovy oslitsy vozopili (vtoraya "limonka v uchitelei"), *Proza.ru*. Available at: <https://proza.ru/2008/02/18/592> (accessed: 15.01.2021). (in Russian)
- Tresorukova I. V. (2019) Bibleiskie imena sobstvennye v grecheskoi frazeologicheskoi kartine mira, *Rhema, Rema*, no. 3, pp. 101–114. (in Russian)